

РЭНДИ СИНГЕР

**В СОСТОЯНИИ
НЕВМЕНЯЕМОСТИ**

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2012

Часть I
ПРАВО

ПРАВО, *сущ.* То, что устанавливается, предписывается или учреждается... Право является формальным выражением воли представителей верховной власти государства.

*Словарь юридических терминов
под редакцией Блэка*

1

Квинн Ньюберг в последний раз встал перед присяжными. Он столько пережил за время этого разбирательства, что его грудь сдавило, а в висках стучало. Ему пришлось напомнить себе, что он проделывал это уже больше восьмидесяти раз, причем с блестящим результатом. В одной из газет его назвали «юристом-волшебником». *«Я нравлюсь присяжным».*

Но из головы никак не шли слова доктора Розмари Манчини, сказанные ею прошлым вечером, когда она наблюдала за тем, как Квинн репетирует заключительную речь.

— Никто не любит, когда подсудимый заявляет о собственной неменяемости, — заметила эксперт. — Девяносто пять процентов таких дел заканчивается признанием подсудимого виновным и тюремным заключением. — Она выдавила из себя улыбку. — Можете не верить, но это касается даже тех немногих дел, в которых участвовала я.

— А у вас случайно не припасено никакого доброго совета? — спросил Квинн. — Или только кошмарная статистика?

— Покажите присяжным, насколько сильна ее боль, — спокойно посоветовала Розмари. — Выбросьте свои записи. — Наверное, она заметила сомнения Квинна, его нежелание даже смотреть в ее сторону. Конечно, он справится и без записей, но ему совсем не хотелось заставлять Энни вновь переживать этот ужас. — Это наш единственный шанс, — продолжила Розмари.

Эти слова эхом звучали в голове Квинна, когда он стоял перед присяжными с пустыми руками. Он глубоко вздохнул и закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Открыв их, он вновь взглянул

на присяжных — *его* присяжных. Квинн слышал, как судья назвал его имя — голос председателя заседания звучал словно из глубины тоннеля. Прошло еще мгновение, и из замершего зала заседаний он перенесся в тихий дом на Бридж-стрит, на два десятилетия назад.

Квинн зашагал по залу, все еще не говоря ни слова. Розмари была права: хороший адвокат сначала опишет место преступления. Но великий адвокат сделает больше. Великий адвокат *перенесется* туда вместе с присяжными...

Когда Энни исполнилось тринадцать, отец уже около года захаживал к ней в спальню. Хуже всего были праздники, потому что тогда отцу Энни официально разрешалось пить. День благодарения, Рождество, Новый год, День поминовения — все они заканчивались одинаково. Как наверняка закончится и этот день: 4 июля 1986 года, День независимости.

Энни отправляется спать пораньше — такой у нее праздничный обычай — в надежде на то, что ей удастся уснуть прежде, чем отец вернется домой. Она не гасит свет и молится о чуде. Автомобильная авария. Сердечный приступ. Попытка ограбления с трагическим исходом.

Она молится о том, чтобы сегодня ее отец умер.

Через несколько минут после полуночи она получает ответ на свою молитву. Тот же ответ, который получала уже много раз. Она слышит шуршание шин по подъездной дорожке. Сквозь тонкие стены дома до нее доносится, как смолкает двигатель и с глухим стуком закрывается дверца. Отец входит в дом через прачечную. Судя по тяжелым шагам, он направляется в кухню.

Оцепеневшая Энни лежит в кровати, уставившись в потолок и прижав одеяло к подбородку. Она слышит шум телевизора. Грохот посуды. Приглушенные ругательства.

Примерно на час воцаряется тишина. Отец, наверное, уснул в кресле, но Энни не спит. Затем он начинает ворочаться и просыпается. Он с трудом поднимается по лестнице, и в тишине дома его шаги и тяжелое дыхание слышны особенно отчетливо. Она чувствует его запах. Девочка

знает, что это невозможно, потому что дверь в ее комнату закрыта, а отец еще не поднялся. Но все же она чувствует этот запах. Запах выдохшегося пива в его дыхании, пота, сигарет и лосьона после бритья.

Иногда он идет сразу в комнату Энни. Если это происходит, она не зовет на помощь маму. Как-то Энни попыталась позвать, но отец сначала избил мать, а затем вернулся к Энни, и в тот раз все было только хуже.

Сегодня он проходит мимо двери Энни в свою спальню. Иногда он остается там. Но иногда, как сегодня, из спальни доносятся приглушенные крики. Мать просит оставить ее в покое. Девочка слышит глухой звук удара. Она хочет выбежать на помощь. Но раньше она уже пробовала так делать, это только злит отца еще больше. Однажды он бросил Энни на пол и заставил смотреть, как избивает мать. Он назвал это уроком послушания. В другой раз Энни позвонила в полицию, но мама стала защищать отца. Она сказала, что синяки появились в результате несчастного случая: «Я упала с лестницы».

Сегодня крики в спальне резко обрываются. Мать теряет сознание и больше не чувствует боли. Тишина нависает над ней, словно нож гильотины.

Спустя мгновение Энни слышит, как дверь комнаты ее родителей со скрипом открывается. До нее доносится звук нетвердых шагов, приближающихся по коридору. Она надеется, что ее десятилетний брат сегодня не станет изображать из себя героя. Энни помнила, как его избили в прошлый раз, когда он попытался вмешаться. Ударив сына, отец заставил его снять шорты и взяться за ремень. Он пообещал, что будет бить мерзавца, пока тот не заплачет. Ее упрямый брат отказался плакать.

Энни слышит, как поворачивается дверная ручка, и закрывает глаза. Теперь запах становится реальным. Она чувствует смрадное дыхание своего отца, который на мгновение замер на пороге. Он выключает свет. Даже с закрытыми глазами Энни чувствует, как сгущается тьма. Ее переполняет ужас.

2

Квинн остановился и развернулся к присяжным, стараясь побороть переполнившие его чувства. Он сглотнул раз, другой... но не смог избавиться от кома в горле и легкой дрожи в голосе. Квинн чувствовал, что готов сорваться прямо здесь, в зале суда, на виду у всех. Он умел заставить присяжных плакать, и пару раз ему даже удалось выдавить слезы из себя. Но на этот раз он не притворялся.

Квинн Ньюберг, юрист-волшебник, даже не мог закончить свою заключительную речь. В глазах присяжной номер пять, матери-одиночки, воспитывающей двоих детей, тоже стояли слезы. Все заседатели внимательно смотрели на Квинна. В зале суда было тихо, как в доме, который только что описал адвокат.

Он медленно подошел к столу и нежно сжал плечо своей клиентки. Она хорошо держалась на протяжении всего заседания, но сейчас он чувствовал, как Энни тихо рыдает и как дрожат ее плечи. Она вытирала слезы мятым платком.

— Кто в силах понять, что подобное надругательство может сделать с сердцем юной девушки? С ее разумом? С ее душой? Дом должен быть безопасным местом. Отец обязан защищать свою семью. — Квинн снова взял себя в руки, еще раз сжал плечо своей клиентки и вновь подошел к присяжным, не сводя с них глаз. — Если бы тогда, 4 июля 1986 года, она застрелила своего отца в порядке самообороны, кто мог бы обвинить ее? У кого хватило бы на это смелости? — Квинн понизил голос, всматриваясь в лица присяжных: — Вы слышали показания доктора Розмари Манчини, — проговорил он, указав на свидетельскую трибуну. Он знал: они до

сих пор помнят эту маленькую, но яркую женщину, его эксперта-психиатра. Ее пронизательность и уверенное поведение привлекли всеобщее внимание. — Доктор Манчини пояснила, что Энни поступила так же, как поступило бы на ее месте большинство детей: она постаралась забыть об этих ужасах и выбросить их из головы. Она создала иллюзорный мир и пряталась там, даже когда отец над ней издевался. Мир грез, в который она сбегала, оставив вовне все ужасы.

Теперь Квинн стоял на расстоянии вытянутой руки от перил, отделявших его от присяжных.

— Говорят, женщины выходят замуж за мужчин, похожих на их отцов. В случае с Энни так оно и было. Слепленная любовью, она доверилась Ричарду Хофстеттеру-младшему — человеку, который был старше Энни на десять лет. Он умел быть обаятельным, и она подпала под его чары. И да, ее привлекли его деньги. Он должен был стать наследником вегасской империи своего отца. Энни знала, что он может вспылить, но ведь никто не совершенен. К тому же он никогда не повышал голоса на Энни, по крайней мере до того как она и ее десятилетняя дочь Сьерра переехали в дом Хофстеттера.

Квинн взял специальную доску, стоявшую у перил, которые огораживали скамью присяжных, и поставил на подставку. К доске были прикреплены фотографии лица Энни крупным планом, сделанные после второго звонка в службу защиты от семейного насилия.

— Вы помните свидетельские показания об этом звонке в службу 911, — продолжил он. Его голос оставался ровным, но он чувствовал, что напряжение растет. — Прежде чем приехала полиция, Ричард успел кое-куда позвонить. Нужно признать, у него были связи. И он просил у Энни прощения. И обещал обратиться за помощью. Офицеры полиции не стали арестовывать Ричарда, а решили дать паре возможность разобраться самой. — Квинн с отвращением потряс головой. — Мы видели, к чему это привело.

Он заметил, что присяжные начали уставать. Они слушали все это уже три недели. Если заставить их еще раз вспоминать все доказательства, это принесет скорее вред, чем пользу.

— Вы уже знаете, что Хофстеттер не только применял физическое насилие, — продолжал Квинн. — Он флиртовал с другой

женщиной на глазах у Энни, вероятно, с целью унижить мою клиентку. Он обещал променять ее на модель помоложе и поумнее. На тридцатипятилетие он подарил жене визит к пластическому хирургу. Удивительно, что так называемый нервный срыв не случился у нее раньше. Обвинитель заявляет, что она должна была побороть систему. Должна была позвонить в службу защиты семьи. Должна была подать иск на развод. Но когда ваша тринадцатилетняя дочь говорит, что отчим трогал ее в интимных местах, вы не можете рассуждать здраво. Не исключено, что вы можете пережить насилие со стороны собственного мужа, но вы не можете позволить ему обращаться с вашей дочерью так же, как ваш отец обращался с вами. Яркие картинки прошлого вспыхивают у вас перед глазами: те ночи, когда вы молили Бога прекратить эти мучения. Вы думали, что смогли забыть этот кошмар, а на самом деле вам удалось лишь на время запереть его в клетке. Ваш муж-садист постоянно прилюдно унижает вас, подкармливая зверя внутри вас. Растет чудовище, растет и гнев. Вы загоняете обиду от новых унижений в ту же клетку, и чудовище становится только сильнее. — Теперь Квинн заговорил быстрее. Слова сами лились потоком, вызванным воспоминаниями о его собственном тяжелом прошлом: — Вам удастся сдерживать чудовище, пока муж не начинает угрожать единственному, чем вы еще дорожите, единственному светлому пятну в вашей жизни, единственному, ради чего стоит жить. Ярость и страх захлестывают вас, срывают все запоры, и вы становитесь тем монстром, которого создали ваши отец и муж. Муж становится отцом. Угрожающим вам. Третирующим вас. Издевающимся над вашей дочерью. Вы должны действовать, чтобы защитить себя и Сьерру. Вы должны сделать то, чего не смогла сделать ваша мать. Ради Сьерры *вы должны прекратить все это*. — Он сделал паузу, понизил голос. — И вы делаете это.

Безотчетно Квинн совершил поступок, нарушающий все правила адвокатской деятельности, поступок, сводящий на нет любую изученную им тактику защиты. Он взялся за доску, к которой были прикреплены две большие фотографии жертвы. На первой крупным планом было изображено окровавленное лицо Ричарда Хоффстеттера — пуля вошла в лоб, словно его казнили. Если верить показаниям Энни, она поставила его на колени и заставила молить о пощаде. Лишь после этого спустила курок. На второй фотографии

был запечатлен Хофстеттер, лежащий на полу гостиной в луже собственной крови. Квинн расположил снимки на подставке рядом.

— Можно ли наказать мать, которая защищала свою дочь? — задал вопрос Квинн. — Можно ли наказать эту тринадцатилетнюю девочку, которую насильовал отец, за то, что через двадцать два года, когда издевательства начались вновь, она спустила курок? Вы знаете из показаний доктора Манчини, что в критический момент жизни Энни все альтернативные реальности ее сознания соединились вместе в некое подобии взрывоопасной смеси. Маленькая девочка и защищающая мать, жестокое прошлое и не менее жестокое настоящее, реальный мир и мир надуманной справедливости. Отец и муж становятся одним человеком. Спустила ли моя клиентка курок? Да. Но *виновна* ли она? Только не по закону. Не тогда, когда помутнение разума было столь велико, что она не могла осознавать природу и последствия своих действий.

Квинн обвел взглядом лица присяжных, стараясь понять, о чем они думают. Он вдруг почувствовал себя опустошенным.

— Моя клиентка находилась в невменяемом состоянии в момент выстрела, — тихо сказал он. — Еще большим безумием будет заставить ее заплатить за это. Над ней издевался отец. Над ней издевался муж. Не позволяйте и системе поступить с ней так же.

Квинн еще секунду постоял, а затем развернулся и пошел к адвокатскому столу. На полпути он остановился и вновь повернулся к присяжным.

— Двадцать два года назад десятилетний мальчик хотел помочь своей сестре, но у него не хватило духу сделать хоть что-нибудь. Вместо этого он слушал, как отец шагает по ступенькам, и в темноте своей комнаты молил Бога о справедливости. Но справедливости не было. — Квинн опустил глаза, жалея, что не смог сделать больше. — Сегодня он снова молит.

В тишине зала заседаний он развернулся и сел на место. Сложив руки на столе, адвокат уставился прямо перед собой.

Энни тронула его кисть.

— Ты сделал все возможное, — прошептала она. — Можно только мечтать о таком брате, как ты.

3

Казалось, прошла вечность. Квинн чувствовал, что глаза каждого в набитом людьми зале суда — и, конечно, вездесущая телекамера — направлены на него и Энни. Этот процесс, словно трагедия Шекспира в современной обработке, ненадолго привлек внимание всей страны. До этого Квинна считали восходящей звездой на адвокатской арене Лас-Вегаса. Но заявление о невменяемости подозреваемой, а также родственные связи между адвокатом и клиенткой сильно подогрели внимание прессы к этому и без того нашумевшему делу.

— Миз* Данкан... — Спокойный голос судьи Стракмана, казалось, разрушил чары, сковывавшие Квинна. — Вы воспользуетесь правом на реплику?

— Да, ваша честь. Спасибо.

Карла Данкан поднялась со своего места и уверенно встала перед столом обвинителя небольшого вегасского зала заседаний. Она была просто воплощением уверенности: пятидесятилетний успешный прокурор, Карла даже не думала скрывать своего возраста. В ней, высокой стройной женщине с проблесками седины в волосах, чувствовалась некая весомость, которая есть у известных актрис в возрасте. К великому сожалению Квинна, она отработала практически идеально. За это дело ей можно было дать премию «Оскар».

---

* Миз (Ms.) — госпожа; ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней. Вошло в употребление с 1970 г. по инициативе движения за освобождение женщин. — *Примеч. ред.*

— Как он смеет? — спросила она. — Первые двенадцать лет в должности прокурора я занималась делами, связанными с насилием в семье. Я плакала вместе с матерями и дочерьми. Я ненавидела чудовищ, которые так поступали с ними. Как только меня не называли адвокаты, занимающиеся семейными вопросами! Как только мне не угрожали обвиняемые! Пострадавшие звонили мне среди ночи, и я с ног валилась, желая поспать после визита к ним в больницу...

Квинн решил, что хватит:

— Протестую, ваша честь. Мы рассматриваем дело не о миз Данкан и ее карьере обвинителя.

— Это вы бросили вызов системе, — парировала Карла Данкан. — А я — часть той системы, которую вы с легкостью готовы обвинить.

Судья Ронни Стракман погладил бороду. Квинн уже начал ненавидеть этот жест. Стракману оставалось несколько месяцев до пенсии, и действовал он на протяжении всего судебного заседания вяло, словно арбитр на футбольном поле, который проглотил свисток и давал сторонам возможность самим разбираться между собой. Очень часто он принимал решения в пользу обвинения, что было неудивительно, учитывая ту сумму, которую фирма Квинна вложила в кампанию противника Стракмана на прошлых судебных выборах.

Но даже судья Стракман иногда задумывался, не вынести ли правильное решение.

— Мы рассматриваем дело о психическом состоянии подозреваемой на момент совершения преступления, — удивил Квинна Стракман. — И я не позволю превратить процесс в дебаты о недостатках системы уголовного правосудия.

Карла Данкан выпятила подбородок:

— Ваша честь, при всем уважении, это уже произошло. Вся защита мистера Ньюберга построена скорее не на утверждении о временном помутнении рассудка, а на том, имела ли его сестра право сама вершить суд. Система уже подверглась испытанию. Вопрос лишь в том, позволите ли вы мне защитить ее.

Стракман засомневался, и Квинн понял, что его протест не будет принят. И, конечно, Стракман отклонил протест, а Карла Данкан следующие десять минут потратила на то, чтобы рассказать присяжным о самоуправстве и принципе верховенства закона. Карла

Данкан говорила, что Энн Ньюберг могла позвонить в службу соцзащиты или обратиться за помощью к прокурору. Обвинитель завила, что сколь бы богата и влиятельна ни была семья насильника, она была бы готова заставить его ответить по всей строгости закона. Карла заявила, что у подсудимой не было никаких причин вершить правосудие своими руками.

— Даже такой жалкий человек, как Ричард Хофстеттер, имеет право предстать перед судом, — настаивала Карла. — Подвергшаяся насилию женщина не может взять на себя роль судьи, присяжных и палача, хладнокровно пристрелив мужчину, умолявшего простить его. Адвокат миз Ньюберг и доктор Манчини утверждают, что подсудимая находилась в состоянии невменяемости, когда спустила курок. Но доказательства свидетельствуют, что преступление было спланировано до мелочей. Миз Ньюберг уверяет, что застрелила своего мужа из его же пистолета, который тот, вероятно, купил на черном рынке и хранил в шкафу. Но не кажется ли вам, что это чересчур удобно? Чересчур надуманно? И зачем тогда в ту ночь подсудимая отправила свою дочь к друзьям, так что когда Ричард Хофстеттер вернулся домой, там больше никого не было? Сразу после убийства она позвонила в службу спасения и своему брату. Но зачем звонить брату? Она понимала, что ей понадобится адвокат. Она осознавала, что совершила что-то ужасное. Понятие невменяемости предназначено для того, чтобы защищать людей, находящихся в таком состоянии, когда они не способны отличить добро от зла. Но оно не может быть оправданием для убийства. Или пропуском, дающим право на выход из тюрьмы для тех, к кому применялось насилие. Миз Ньюберг виновна в предумышленном убийстве. И в глубине души вы это понимаете.

Постоянно утешая друг друга, Квинн и Энн Ньюберг ждали три дня, пока присяжные вынесут вердикт. Первые два дня Квинн оставался в суде, разговаривая с репортерами и поддерживая сестру. На третий день судья Стракман разрешил юристам разойтись, пока присяжные совещались.

Когда и третий день окончился без вердикта, Стракман распустил присяжных на выходные по домам. Естественно, он дал им

наказ ни с кем не разговаривать по поводу дела и не читать никаких сообщений о нем в печати:

— Постарайтесь в выходные даже не думать о деле. А в понедельник возвращайтесь отдохнувшими и готовыми к работе. Уверен, вы легко сможете принять решение.

Понедельник пришел и ушел, а вердикта все не было. Во вторник присяжные объявили, что оказались в тупике, и судья вынес им предупреждение Аллена, известное также как «взрывное предупреждение». Он напомнил им, как дорого этот процесс обошелся для всех участников. Он утверждал, что никакая другая коллегия не сможет вынести столь же объективный вердикт, как эта. Он убеждал присяжных освободить разум от лишних мыслей и пересмотреть все доказательства. Он отправил их совещаться дальше.

Квинн старался поменьше думать о деле, отвечая на телефонные звонки и письма, приходившие по электронной почте, которые накопились за время участия в процессе. Он разделил их на четыре группы: пресса, друзья, другие дела и потенциальные клиенты. Последняя группа была самой многочисленной. За свою карьеру Квинн заработал репутацию адвоката, успешно защищавшего высокопоставленных мошенников. Но дело Энни получило такую огласку, что теперь к Квинну стали обращаться сумасшедшие всех мастей. Очевидно, в мире было полно психов.

Телефонный звонок, которого он так ждал, прозвучал в среду днем, в десять минут четвертого.

— Судья Стракман вызывает вас в зал суда, — произнес секретарь. — У нас есть вердикт.